

УДК 911.375

ГОЛУБИНОВ ЯРОСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ

Самарский государственный медицинский университет
Кафедра философии и культурологи

ИНВЕРСИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ¹

Аннотация: В данной статье рассматриваются инверсии индустриального города. Показано, что он последовательно прошёл стадии от отторжения его сущности обществом и отрицания его культурных значений до признания его роли и необходимости сохранения всех видов его культурных артефактов.

Ключевые слова: индустриальный город, инверсия, культурное наследие.

Abstract: This article discusses inversions of industrial city. The author shows that the city has consistently passed two stages: from social rejection of its essence and denial of its legacy to recognition of its outstanding role in the history and the need to save all kinds of its cultural artifacts.

Keywords: industrial city, inversion, cultural legacy.

Время промышленного развития Европы и появления индустриальных городов было временем модерна (англ. modernity), который, согласно концепции Энтони Гидденса, можно рассматривать в виде четырёх «институциональных измерений»: «индустриализма», «капитализма», «надзора» и «военной мощи»². Эти четыре составляющих модерна, разумеется, повлияли, в том числе, и на облик городов, усиливая некоторые его старые функции и формируя новые. Города окончательно утвердились как центры сильной политической власти, экономического развития в капиталистической индустриальной форме, социальной и культурной активности. А их внутреннее суще-

ствование было организовано согласно новым представлениям о рациональности, удобстве и правильном планировании жизни. Сакральными символами теперь выступал не храм или место пребывания монарха, а завод, биржа или научно-техническая лаборатория.

Новые индустриальные города, построенные на пустом месте или заменившие старые поселения, должны были отвечать некоторым условиям, которые к ним предъявляло время. С одной стороны, это были требования капиталистического машинного производства, работавшего по принципу «время – деньги», т. е., в первую очередь, требование обеспечить быструю скорость всех социально-эко-

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ «Пространственно-временная диагностика города: хронотипия и хронотопия» № 14-03-00036.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge, 1991. – P. 59.

номических процессов (транспортировки грузов, перемещения людей с работы домой и обратно, возведения зданий и инфраструктуры). С другой стороны, одновременно с этим менялась и старая социальная система, основанная на сословном, цеховом и этно-религиозном разделении. В вавилонском столпотворении городов Нового времени уже не было места замкнувшимся в себе общинам, все они должны были включиться в жизнь социума. Индустриальные города, в которые отовсюду стекались рабочие и инженеры, естественно, быстрее всего утрачивали эти социальные перегородки, а массы в них быстрее гомогенизировались.

Таким образом, индустриальные города представляли как очень быстрые организмы, способные в максимально короткие сроки ответить на внешние вызовы (в этом, например, проявилась связка «индустриализма» и «военной мощи» у Гидденса). Но они одновременно утрачивали важное качество «человекоразмерности», подавляя жителей своими размерами, скоростью, темпом и ритмом жизни.

Потому в конце XIX — начале XX вв. архитекторы, художники и дизайнеры озаботились созданием проектов таких городов, которые одновременно являлись бы крупными промышленными центрами и местами, удобными для жизни. Эти проекты были нацелены на эгалитарность, доступность всех городских зон для всех слоёв общества и вполне соответствовали социалистическим и коммунистическим идеям, которые

были крайне популярны тогда. Индустриальные города вообще стали мыслиться как площадки для смелых архитектурных или дизайнерских экспериментов. Проектировщики экспериментировали с новыми строительными и отделочными материалами (бетон, пластик, сталь, стекло), формой и расположением зданий.

Особенный отклик проекты новых городов вызвали в Советском Союзе, который официально провозгласил создание нового, коммунистического, общества целью своего существования. Будущее должно было быть построено в СССР и принять зримый облик новых советских городов. Опора на промышленность и желание сделать рывок в своём развитии определила их облик. Новые города были обречены быть индустриальными. Их размеры и виды промышленных предприятий варьировались, но суть оставалась очень схожей. Пространство советских городов было организовано с прямотой лозунга и больше напоминало газетную передовицу, поскольку всегда должно было рапортовать об успехах в той или иной сфере народного хозяйства или пролетарского искусства³.

Новые советские города возникали в самых разных частях самого большого государства на планете. Но своим видом они очень походили друг на друга. У многих в качестве начала, ядра, откуда пошёл рост и черпались кадры, присутствовала тюремная зона, как, например, у Новокуйбышевска или у возникшего в 1930-1940-е гг. индустриального района Самары – Безымянки⁴. А у неко-

³ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. – М., 2001. – С. 138, 205.

⁴ Подробней см. Иливицкая Л.Г. Безымянка: в поисках самоидентификации // Город и время: в 2-х т. Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г. Издание предпринято в рамках проекта «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города» / Авторы проекта: Е. Бурлина, Л. Иливицкая, Ю. Кузовенкова. – Самара, 2012. – Т. 1. – С. 95 и сл.

торых, как у рядом лежащего Тольяти, в начале было разрушение старого города, который скрыли воды нового волжского водохранилища, а приехавшие на стройку люди имели по преимуществу опыт сельской или лагерной жизни.

Советские индустриальные города оборачивались, с одной стороны, довольно скучным и неприглядным местом, лишённым какой-бы то ни было истории, традиций, «гения места». С другой, они воплощали в себе мечту громадного количества людей о хорошей жизни, в которой есть работа, семья, дом и «всегда светит солнце».

Однако в отличие от многих других европейских городов активность населения советских и затем российских индустриальных городов была на довольно низком уровне. С одной стороны это было связано с довольно жёсткой регламентацией всех сторон жизни (любые инициативы на местах должны были быть одобрены в центре, так даже творческой свободы у городских деятелей культуры в плане открытия каких-либо новых студий, площадок, сцен не было). С другой сами по себе советские города несли на себе отпечаток слободской жизни⁵. Она была нацелена на удовлетворение базовых жизненных потребностей. В этом житель любого советского промышленного города был мастер. Само бытие в жёстких рамках распределительной системы толкало на изобретение особых тактик выживания, в которые, прежде всего, входило приобретение знаний о том, где и когда может появиться

дефицитный товар. Общество потребления в Советском Союзе начало формироваться довольно поздно.

Потому между европейскими и советскими индустриальными городами пролегла очевидная разница.

Становление концепции многофункциональности индустриальной культуры и необходимости сохранения её наследия имеет определённую историю. В 1973 г. в Великобритании на первой конференции по сохранению индустриального наследия был учреждён специальный Международный комитет по сохранению индустриального наследия (англ. The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage (ТИССИН)) как общественная организация жителей индустриальных центров. «Участники движения выступали за сохранение промышленных объектов как историко-культурных памятников и важных элементов социокультурной среды обитания современного общества»⁶. Россия вошла в Международный комитет по сохранению индустриального наследия только в 1994 году и за прошедшие два десятка лет приняла несколько международных конференций, посвящённых этой тематике: в 1996 г. – в Нижнем Тагиле, в 2003 г. – в Москве, Екатеринбурге и Нижнем Тагиле. В.В. Запарий отмечает, что «показателем интереса к данной проблеме стала в России серия конференций «Индустриальное наследие», организованных Мордовским университетом при поддержке Научного Совета РАН по проблемам российской и

⁵ Глазычев В.Л. Глубинная Россия. Гл. «Погружение в город». URL: http://www.glazychev.ru/books/glubinnaya_rossia/GR_4_pogruzhenie_v_Gorod.htm (дата обращения: 20.07.2014).

⁶ Запарий В.В. Индустриальное наследие (к вопросу о понимании данной концепции в России и за рубежом) // Экономическая история. Обзорение. – Вып. 13 / Под ред. Л.И. Бородкина. – М.: Изд-во МГУ, 2007. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/zaparij.pdf> (дата обращения: 20.07.2014).

мировой экономической истории и Национального представительства ТИССИИ в РФ»⁷. Однако следует отметить, что, несмотря на столь высокую степень интереса, на сайте ТИССИИ не зафиксировано сколько-нибудь высокой активности нашей страны в деле сохранения индустриального наследия. Сравнение разделов различных стран на специальной странице интернет-сайта Комитета показывает, что Россия существенно отстаёт от других европейской и американских стран. Колыбели индустриализма, Великобритания и Германия могут похвастаться национальными ассоциациями «индустриальной археологии», специализированными журналами, широкой сетью музеев и образовательных программ, в то время как в разделе Российской Федерации, «Мекке индустриальной культуры» по выражению В.В. Запария, даже не указан российский представитель в Комитете⁸ и дана лишь одна ссылка на Московское общество охраны архитектурного наследия⁹.

Можно сказать, что дело сохранения индустриального наследия в России сейчас максимально децентрализовано и находится в руках немногочисленных групп энтузиастов наподобие московского Архнадзора¹⁰. При этом эти группы борются не только за сохранение памятников индустриальной эпохи, но вообще за спасение архитектурного наследия

прошлых веков, что, конечно, существенно снижает шансы на выживание у отдельных объектов. Примером успешной работы самарских, московских и европейских общественных групп может считаться сохранение уникального здания 1930-х гг. в Самаре – фабрики-кухни завода им. Масленникова¹¹.

Почему вообще эти здания и сооружения (заводы, мосты, жилые дома, плотины и т.п.) обладают привлекательностью? Индустриальная культура обладает, возможно, скрытым на первый взгляд, символическим ресурсом. По словам М.А. Поляковой, «памятники науки и техники оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие, так как дают возможность почувствовать дух эпохи, вспомнить о днях детства и юности»¹².

Американский архитектор Дж. Саймондс в 1960-х годах говорил о «ландшафтном характере» местности, который характеризуется, прежде всего, «очевидной гармонией между всеми элементами природы» и, соответственно, взаимовлиянием всех обитающих в нём существ¹³. Не что подобное можно наблюдать и в городе. В так называемой поведенческой географии давно известны различные феномены влияния свойств места на характера человека, а в современной гуманитарной географии всесторонне раскрыты механизмы

⁷ Подробней см. Запарий В.В. Ук. соч.

⁸ А им, судя по всему, с 2005 является как раз В.В. Запарий, если судить по его публикациям в соответствующих периодических изданиях ТИССИИ – Zapariy V.V. Report on industrial heritage in Russia // ТИССИИ Bulletin. – № 60, 2nd quarter, 2013. URL: <http://ticcih.org/wp-content/uploads/2013/04/ticcih60.pdf> (дата обращения: 20.07.2014).

⁹ См. раздел сайта ТИССИИ по адресу <http://ticcih.org/about/countries/>.

¹⁰ См. <http://www.archnadzor.ru/>.

¹¹ См. Самарская "Фабрика-кухня": хроника борьбы. URL: <http://samara-ru.livejournal.com/8583780.html> (дата обращения: 20.07.2014).

¹² Цит. по: Тютюник Ю. Г. Объекты индустриальной культуры и ландшафт / Предисл. В.М. Пашенко. – Киев, 2007. – С. 126.

¹³ Саймондс Дж. Ландшафт и архитектура. – М., 1965. – С. 13-14 и сл.

этого влияния¹⁴. Г.М. Лаппо справедливо пишет, что «созданный человеком город начинает вести себя не так, как хочет человек. Он проявляет себя как личность, показывает характер вплоть до того, что демонстрирует прямое неподчинение, выходит из-под контроля»¹⁵. В случае индустриального города погружённость человека в его ландшафт, его специфический технотронный ритм, в его особенную рационально-геометрическую и одновременно кажущуюся спонтанно-хаотической визуальную среду, в его ни на что не похожие запахи и звуки, обуславливает формирование «особенной суммы рефлексий, образов, впечатлений и воспоминаний, которые, будучи "привязанными" к конкретному месту, выступают в качестве индустриальной ментальности этого места»¹⁶.

Для Дмитрия Бавильского, писателя и журналиста, его родной Челябинск выглядит как «странное место на перекрестке миров: на подъездах к этому «крупному промышленному и культурному центру» стоят столбы, отделяющие Европу от Азии, по самому городу проходит граница Урала и Сибири... Челябинск считает себя, безусловно, театральным городом. Здесь неважно с литературой и всем остальным, зато процветают десятки трупп. Полные залы, постоянные гастролы и фестивали, шумные премьеры. Но почему в этих суровых краях самым востребованным оказалось именно театральное искусство, нико-

му не понятно...»¹⁷.

Для индустриальных городов вообще вопрос самопрезентации чрезвычайно важен. Особенно для т.н. моногородов, в образе которых есть указание на зависимость от одного конкретного производства, слышится определённая депрессивность и непривлекательность места. Хотя реакция их обитателей в такой ситуации бывает разной. Тольяттинец Максим Кудеров свидетельствует, что «для любого жителя России Тольятти – это АвтоВАЗ. Действительно, автогигант затмевает крупнейшего в мире производителя аммиака «Тольяттиазот» и прочих местных химических титанов. На АвтоВАЗе работает каждый седьмой горожанин. Над шутками о «тазиках» и «ведрах с болтами» у нас никто не смеётся. Тольяттинец пропускает обидные места в КВН и Comedy Club мимо ушей и вообще ведёт себя, как умный школьник, который не реагирует на обидную кличку»¹⁸.

Ещё одной проблемой современной индустриальной культуры стало экологическое состояние городов и здоровье их жителей. Оказалось, что очистка земель и рек, создание сети медицинских учреждений, проведение кампаний среди жителей по пропаганде здорового образа жизни – это дорогостоящие проекты, требующие больших государственных или частных инвестиций. К тому же они требуют гражданского контроля, заинтересованности городского со-

¹⁴ Митин И.И., Замятина Н.Ю. Гуманистическая география [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 4 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. – М., 2007. URL: <http://imitin1.at.tut.by/SlovarG4G.pdf> (дата обращения: 20.07.2014).

¹⁵ Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. – М., 2012. – С. 14.

¹⁶ Тютюнник Ю.Г. Ук. соч. С. 127.

¹⁷ Дмитрий Бавильский из Челябинска // Русский репортаж. – 2013. – № 03(281). URL: <http://rusrep.ru/article/2013/01/23/chelyabinsk/> (дата обращения: 20.07.2014).

¹⁸ Максим Кудеров из Тольятти // Русский репортаж. – 2012. – № 03(232). URL: http://rusrep.ru/article/2012/01/25/kudеров_toljatti/ (дата обращения: 20.07.2014).

общества и личной ответственности жителей¹⁹. Таким образом, первые проекты индустриальной культуры в разных городах и странах касались сохранения наследия, приведения в порядок промзон и привлечения разных групп гражданского сообщества к участию.

Ю.Г. Тютюнник, описывая различные варианты экологических преобразований, указывает, что «при реновации и ревалоризации объектов индустриального наследия проблема загрязнения окружающей среды решается конструктивно»²⁰. Так можно говорить о процессе «опарковывания» – наиболее фундаментальном преобразовании старых промзон (например, парки «Gas Works Parks» в Сиэттле, «Duisburg Nord» в Дуйсбурге, «Natur-Park Südgeländ» в Берлине и др.), который «сопровождается очень глубокими преобразованиями экосистем, для восстановления почвенного покрова применяются сложные и дорогостоящие средства биорекуперации»²¹. Важно то, что научные способы экологической оптимизации, разрабатываемые для целей реновации и ревалоризации объектов индустриальной культуры, органически сочетаются с архитектурно-художественными, эстетическими. Таким образом, можно сказать, что запуск любого проекта по преобразованию бывшей промышленной территории начинается с решения вопроса экологии.

Речь, в конечном счёте, идёт о том, что современный город должен стать выразительным пространством, удобным для его жителей, а ресурсом его развития должен стать куль-

турный ресурс. Город, по существу, должен создать себя заново как экологически чистое, заботящееся о благополучии жителей и побуждающее их к содержательной жизни, креативное пространство. В этом аспекте культурный ресурс города, образованный его историческим наследием и развивающийся в настоящем, становится основой преобразования города в пространство для людей.

В индустриальных городах в данном случае подобные креативные действия возможны с промзонами, которые были заброшены или подготовлены к уничтожению. Так И.М. Лисовец отмечает, что «прошедшая осенью 2010 года в Екатеринбурге 1 Уральская индустриальная Биеннале современного искусства наглядно продемонстрировала художественные метаморфозы исторического города завода, инициированные актуальными арт-практиками. Выключенные из производственного оборота территории Свердловска-Екатеринбурга (типография «Уральский рабочий», цеха Свердловского камвольного комбината, Верх-Исетского металлургического завода, Уралмаша) оказались уникальным по своим декоративным возможностям пространством для специфичной художественной экспозиции. Произошло локальное, но очень выразительное арт-преобразование промышленных объектов Екатеринбурга, где эстетически значимым оказалось пространство старых заводов, в соседстве с актуальным искусством по-новому зазвучала архитектура конструктивизма, сформировавшая художественную формулу и уже со-

¹⁹ Corburn J. *Toward the healthy city: people, places, and the politics of urban planning.* – Cambridge (Mass.), 2009. – P. 206.

²⁰ Тютюнник Ю.Г. Ук. соч. С. 121.

²¹ Там же.

временный имидж города»²².

В.В. Запарий замечает также, что «в настоящее время существует множество примеров старых индустриальных объектов, которые нашли экономическое будущее через индустриальный туризм», в «возможности развития объекта как достопримечательности – это в настоящее время один из главных факторов, помогающих сохранить индустриальное наследие, особенно в прежних промышленных регионах, ищущих новое основание для развития их экономики»²³.

Классический вариант индустриального выставочного пространства – это музей истории того или иного производства. Очень популярны, особенно в Западной Европе и США, заводы-коллекции старой техники, особенно железнодорожной. В Великобритании, например, насчитывается 124 объекта, которые так или иначе выполняют роль музеификации железнодорожной техники (собственно специализированные музеи, отдельные экспозиции и заповедные железные дороги)²⁴.

Другой хороший пример системного подхода к музеификации индустриального наследия – сеть музеев Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал», возникшего в 2003 г. Еще в 1987 г. в Нижнем Тагиле был создан Нижнетагильский

музей-заповедник – крупнейшее на Урале музейное объединение, в которое в 1980-1990-е гг. входило 15 объектов, а в 1989 г. в состав музея вошёл первый в России Музей-завод – Музей истории развития техники чёрной металлургии²⁵. В 1990-е годы была разработана концепция создания индустриально-ландшафтного «Демидов-парка» (собрата уже упоминавшихся выше сиэттлского, дуйсбургского и берлинского парков). Таким образом, опыт Урала подтверждает слова Н.А. Коротченко и П.И. Черноусова, что в XXI веке индустриальное направление в музейном деле развивается интенсивно и динамично, а «передовую роль в сохранении и изучении индустриального наследия играют металлургические региональные центры»²⁶.

Опыт подобного репозиционирования европейских городов насчитывает уже несколько десятилетий. С начала 1980-х годов, подчёркивает Е. Лисовская, «индустриальные центры, в которых производство и тяжёлая промышленность умирали, стали стремиться к имиджу центров отдыха и комфортной жизни»²⁷. В основу экономической регенерации индустриальных городов легли три компонента развития культурно-креативного сектора: во-первых, непромышленные культурные отрасли, производящие невоспроиз-

²² Лисовец И.М. Актуальные художественные практики в трансформации постсоциалистического города // Город и время. – Т. 2. – С. 76-77.

²³ Запарий В.В. Ук. соч.

²⁴ Семенов Н.М. Музеи городского транспорта (новейший зарубежный опыт) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2000. – № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/TRANSMUS.HTM> (дата обращения: 20.07.2014).

²⁵ История музея // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». URL: http://www.museum-nt.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1&Itemid=2 (дата обращения: 20.07.2014).

²⁶ Коротченко Н.А., Черноусов П.И. Индустриальная культура: от классического музея до техноленды // История металлургии. – 2011. – № 11. URL: http://izabellacherkasova.narod2.ru/olderfiles/2/industrialnaya_kultura.pdf (дата обращения: 20.07.2014).

²⁷ Лисовская Е. Культурные столицы Европы: двадцать пять лет спустя // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kul-turnye-stolicy-Evropy-dvadcat-pyat-let-spustya> (дата обращения: 20.07.2014).

водимые блага, потребляемые на месте (визуальные искусства, рынки искусства и антиквариата, исполнительские искусства, культурное наследие); во-вторых, промышленные культурные отрасли, производящие продукты культуры и направленные на массовое воспроизводство, распространение и экспорт (кинематограф, видеоигры, телевидение, музыка, печатная продукция); в-третьих, креативные отрасли, использующие культуру для производства товаров, отличных от культурных (дизайн, архитектура, реклама и т.д.)²⁸. Особенности этих подходов можно в изобилии проследить на примере городов Великобритании, Германии, США, Франции и Италии²⁹.

Таким образом, можно выделить несколько инверсий, кардинальных изменений индустриального города, которые произошли за последнее столетие. В самом начале индустриальный город воспринимался неоднозначно. Ведь, с одной стороны, промышленное развитие несло вместе с собой разрушение старого привычного образа жизни и многим грозило утратой их прежнего социального положения и достатка. Потому образы «сатанинских мельниц» Уильяма Блейка и ужасных машин, которые разбивали луддиты, были довольно распространены среди европейского городского и сельского населения. Однако, с другой стороны, промышленное производство способствовало процветанию государства, росту его политической и военной мощи, а также улучшению благосостояния практически всех слоёв населения

за счёт высокого спроса на рабочую силу, повышения зарплаток, постепенного улучшения условий жизни и т.д. Потому индустриальные планы автоматически переносились на планирование городов, поскольку эффективность новых способов производства, технических алгоритмов, временных режимов (хронотипов) работы и жизни стали восприниматься как наиболее рациональные, а, значит, наиболее правильные.

Индустриальные города породили новый тип культуры, поскольку технический прогресс существенно расширил возможности самовыражения человека, добавив к уже существующим видам искусства новые, и способствовал всё большему их синтезу и взаимовлиянию. Также существенно изменился быт населения, которое постепенно, поколение за поколением, привыкло к быстрому ритму развития новых городов. Таким образом, произошла инверсия: из чего-то мрачного и демонического индустриальные города превратились в идеал будущего и модель для архитекторов.

В Советском Союзе индустриальные города воспринимались как безусловное благо для государства и его граждан. Первому они были нужны для быстрого экономического рывка и интенсивного развития, вторым – для обеспечения их потребностей и комфортного существования. Естественно, сами по себе эти города перестали устраивать их население, которое стало искать выхода для своих стремлений в каких-то эскапистских практиках и тактиках выживания.

Во второй половине XX в. произо-

²⁸ Лисовская Е. Ук. соч.

²⁹ См. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России / И. Стародубровская [и др.]; под ред. И. Стародубровской. – М., 2011. URL: http://www.iep.ru/files/text/working_papers/148.pdf (дата обращения: 20.07.2014).

шла очередная инверсия индустриального города вследствие изменения векторов социально-экономического развития. Индустриальные города стали тяготить своих жителей (в хозяйственном, экологическом или духовном плане). Однако вместо разрушения они, наоборот, стали объек-

том пристального внимания со стороны общества, которое постаралось законсервировать для будущих поколений промышленные ландшафты Европы и Америки. Индустриальные города постепенно перешли на новые типы производств или стали модными туристическими дестинациями.